

П.М. БИЦИЛЛИ И Д.И. ЧИЖЕВСКИЙ: К ИСТОРИИ ОДНОГО «ЗАОЧНОГО» ДИАЛОГА

© 2008 М.А. Васильева

История отношений П.М. Бицилли и Д.И. Чижевского не закреплена ни в переписке, ни в активном сотрудничестве. По крайней мере, доступные нам архивы не фиксируют ее документально. Эта история отношений складывалась заочно. Однако даже в «пунктирном» проявлении она имела большое значение в научной биографии П.М. Бицилли. Если смотреть на статистику взаимных упоминаний, рецензий, ссылок, то их наберется не так уж много. Но при этом нельзя не признать очевидного значения этой «заочной» встречи, завершившейся безоговорочным взаимным признанием в науке.

Назовем несколько наиболее важных этапов «пересечения» научных интересов ученых: это рецензия Чижевского на книгу Бицилли «Очерки теории исторической науки» [10; 21], пристальное внимание Бицилли к программной статье «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)» [9; 18] и статье «О “Шинели” Гоголя» [20], рецензия Бицилли на фундаментальный труд Чижевского «Гегель в России» [7; 17] и посмертное издание на немецком языке книги П.М. Бицилли «О Чехове» в учрежденной Чижевским серии «Forum Slavicum» [1]. При всей немногочисленности этих «пересечений» и зачастую краткости (порой это всего лишь упоминание, оговорка, ссылка) они становятся решающими в истории диалога Чижевского и Бицилли. Важно здесь и другое, — произведения, вызвавшие взаимный отклик, оказались знаковыми не только в биографии обоих ученых, но и в исследовательском пространстве русского зарубежья. Именно это взаимное чутье к самому важному, поворотному, новаторскому придает истории отношений Чижевского и Бицилли характер активного сотворчества.

Важнейшей «структурообразующей» темой этого заочного общения стала «проблема двойника», поднятая в статье Д.И. Чижевского [18]. Работа Чижевского, опубликованная в первом сборнике «О Достоевском» под редакцией А.Л.

Бема, вышла с подзаголовком «Из книги о формализме в этике». В те же годы ученый публикует еще две статьи: «О формализме в этике. (Заметки о современном кризисе этической теории)» (1928) [19] и «Этика и логика. К вопросу о преодолении этического формализма» (1931) [22]. Обе они печатаются в издании Русского народного университета в Праге и стоят особняком от достоевдоведческого исследования о «Двойнике». Однако в примечании к статье «Этика и логика» Чижевский заметит: «Т. к. у меня нет возможности в ближайшее время в будущем напечатать мою книгу о формализме в этике целиком, я позволяю себе дать конспективное изложение отдельных ее глав. Этот труд примыкает к двум другим “О формализме в этике” <...> и “К проблеме двойника”...» [22, 50]. И хотя формально и тематически статья о Достоевском не совпадает с этими главами, надо всегда иметь в виду, что сам Чижевский видел «проблему двойника» как неотъемлемую часть масштабного исследования, посвященного критике этического формализма. Таким образом, статья «К проблеме двойника», будучи удачным примером применения метода «мелких наблюдений» в литературоведении, активно практикуемого в Семинарии под руководством А.Л. Бема, вписана самим Чижевским прежде всего не в литературоведческий, а в философский, этико-онтологический контекст.

В статье Чижевский доказывает, что тема двойника, затронутая в ранней повести, не получившей одобрения у современников, тем не менее не только не была оставлена Достоевским, но проявлялась «в различных видоизменениях в его творчестве вновь и вновь» [18, 11]. Путем внимательного чтения (метода «мелких наблюдений») Чижевский обращает внимание на ряд лейтмотивов «Двойника» — лейтмотив «самозванства», лейтмотив «совершенно подобных», лейтмотив потери «своего места». Возводя к бароккальной традиции и актуализируя проблематику «места», Чижевский соотносит ее с хорошо известными

ему идеями Григория Сковороды. Чижевский подчеркивает, что «появление двойника и вытеснение им Голядкина из его “места” обнаруживает только иллюзорность этого “места”» [18, 16] и тем самым прочно связано с «проблемой устойчивости, реальности, прочности реального человеческого существования». Автор статьи делает акцент на онтологической (а не психологической или социальной!) неустойчивости героя повести Достоевского и, проследившая онтологическую «идею двойника» в творчестве писателя, убедительно показывает, что она была одной из центральных в творчестве Достоевского («раздваивание» Версилова в «Подростке»; «двойники» Ивана Карамазова (черт, Смердяков), «двойники» Ставрогина в «Бесах»). По Чижевскому, «проблема двойника» достигает своего апогея в романе «Бесы», т. к. все ученики Ставрогина – его «двойники», «эманации духа». Раздвоение личности, или двойничество, по Чижевскому, – это следствие трагического душевного распада, отсутствие «душевного якоря» [20, 192], онтологической устойчивости, цельности: «... в душе Ставрогина нет “устремленности”, у него нет никакого душевного “магнитного меридиана” и для него нет того “магнитного полюса”, к которому влечется, по мнению Достоевского, вся живая душа, – нет Бога. Живое, конкретное бытие человека, всякое его “место” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием» [18, 22].

«Проблема “устойчивости”, онтологической прочности “этического бытия” индивидуума – и есть... существенная проблема XIX века», – замечает Чижевский [18, 25]. Однако, вскрыв многие аспекты проблемы двойника и ее актуальность в идейных построениях философии XIX века, Чижевский кардинально обновляет понимание этой проблемы и делает ее одним из важнейших пунктов в целенаправленной критике этического рационализма. Критика этического формализма у Чижевского прежде всего направлена на рациональную этику Фихте, Ницше, на «категорический императив» Канта, сводящий понимание этической системы к всеобщим законам природы. По мнению Чижевского, такой отрыв от конкретности заставляет смотреть на мир «глазами бесстрастного и безликого всеобщего двойника» [18, 30]. Так, Чижевский максимально заостряет идею *конкретного существования* индивидуума и подчеркивает, что абстрактное мышление в основе своей уже предполагает идею «подобных» как пассивных носителей рационального принципа, абстрактной идеи. Именно в этом пункте – постулирования конкретности, индивидуальности этического действия человека – обнаруживается очевидная «точка схода» идей Чижевского и Бицилли. Возводя этико-онтологическую

проблему двойника к идее незаменимости, невоспроизводимости, уникальности конкретного человека, Чижевский в своих доводах совпадает с системой доводов П.М. Бицилли как последовательного критика философии истории. Чтобы проследить эти «точки схода», следует обратиться к программному исследованию Бицилли «Очерки теории исторической науки». Этот фундаментальный труд выходит в 1925 году, в пражском издательстве «Пламя».

Прежде всего надо сделать оговорку, что «Очерки...» посвящены не проблемам истории (предмету), а проблемам исторической дисциплины (методу) и убедительному выявлению со стороны автора ее теоретического кризиса. Каковы же основные положения книги и в чем автор видит несостоятельность различных рациональных теорий в исторической науке, в первую очередь – историософских? По Бицилли, реальную историю невозможно подвести полностью под некую метафизическую базу, так как это неминуемо исключает момент случайности, иррациональности исторического процесса и невольно приводит к рационализации истории. Трактовка истории через призму наивысших идей логически подводит к вопросу, – по какому принципу вести отбор исторического материала? что брать за образец? и все ли, случившееся в истории, под такой образец подходит, с ним совпадает и его объясняет? В итоге целыми моментами в истории приходится жертвовать в угоду истории идеальной, некоей абстракции. Сознание, отражая то, что уже свершилось, вечно «догоняет» историю, однако, претендуя на господство над реальностью, норовит контролировать, формировать и конструировать ее по своему усмотрению. Таким образом, философия истории не описывает предмет (историческую данность), а создает его. Смещение собственно философской и собственно исторической точек зрения, попытка найти в исторической данности единый и абсолютный смысл, трактовка истории в «оптимистическом духе» оборачивается умерщвлением живой ткани истории, отказом от идеи творческой самобытности каждого реального агента исторического процесса, т. е. отдельной личности.

С точки зрения Бицилли, понимание исторической жизни как движения к высшей цели, извне предписанной, как процесс постепенного осуществления высших, абсолютных ценностей, в основе своей аисторично: носители исторической жизни представляются здесь величинами пассивными, объектами, а не субъектами, поскольку «смысл истории» не творчески *раскрывается* в их конкретных действиях и помыслах, но лишь на их судьбе *обнаруживается*. Исключая индивидуальность как носителя истории, авто-

номность духовного начала, философия истории тем самым подрывает себя изнутри, подвергая сомнению абсолютную неповторимость и неповторимость исторической данности, момента, субъекта.

Контекст «Очерков...» усматривает сразу несколько исторических эпох, направлений и школ в теории исторической науки. Непосредственно полемически исследование направлено на новую ветвь русской историософии как часть западноевропейской философской традиции и прежде всего на философию истории Льва Карсавина.

Если смотреть шире, «Очерки...» выступают против *любого* «моделирования» истории в духе бесконечного прогресса, будь оно определено становящимся Абсолютом как в «Философии истории» у Льва Карсавина или же идеальным обществом в духе марксистской теории. Бицилли убедительно показывает, что каждая из теорий трактует историю человечества как царство необходимости, а не свободы, и настойчиво подчеркивает новую задачу исторического понимания: «Она принципиально отличается от проблемы отношения свободы воли и необходимости, как она ставилась в старину богословами и философами истории. Свобода понималась в свое время как право выбора между несколькими уже предначертанными путями, как возможность осуществить или не осуществить какую-либо уже в готовом виде формулированную задачу. Обнажив корни старого исторического понимания, получим возможность формулировать его примерно так: если бы Толстой не написал “Войны и мира”, то этот роман мог бы – или даже должен был бы – быть написан кем-нибудь другим. Под большинством марксистских построений кроется подобная идея» [10, 32]. По Бицилли, «запрограммированная» история, не предполагающая случай, сводит непосредственно историю на нет, отвергает творчество – «индивидуальное», «случайное» оказывается для философа истории неким не поддающимся рационализации и потому подвергающимся усекновению остатком. Именно этот аргумент в «Очерках...» как один из наиболее убедительных в полемике с философией истории отметит в рецензии на «Очерки...» Дмитрий Чижевский [21, 544].

Бицилли настойчиво заостряет внимание современной исторической науки на проблеме *абсолютной* ценности отдельной личности. «Из тысяч и тысяч сочетаний, тысяч и тысяч стремящихся объективироваться индивидуальных волений, совпадающих и сталкивающихся, согласующихся и противоборствующих, слагается живая, вечно меняющаяся, вечно обновляющаяся ткань истории. Каждый из атомов исторического целого, каждый из этих носителей волевого заряда

ограничен в двояком отношении: во-первых – изнутри, как индивидуальность, во-вторых, – извне. Его внешними ограничителями являются: такие же, как он, психические атомы, продукты их деятельности, и, наконец, периода. Всякие попытки определить удельный вес каждой из этих категорий ограничителей и внутри каждой из них, обречены на крушение, потому что здесь никакое экспериментирование в строгом смысле невозможно» [10, 231-232]. Написанные в начале 20-х годов «Очерки...», – в период мощного натиска разума, взявшего на себя миссию эксперимента над исторической реальностью, были, безусловно, ответом на разрушительный эксперимент русской революции. В то же время «Очерки...» словно прозревали кризис, который охватит Европу и Россию в последующие десятилетия и обернется масштабным применением на практике различных абстракций, теорий и схем и как итог – глобальным «кризисом гуманизма».

Как альтернативу философии истории Бицилли выдвигает на первый план требование не навязывать истории формулу извне, а попытаться понять внутренний закон исторической жизни. Высказывая сомнение в адрес теоретического «экспериментирования», он призывает не «формулировать», не «изобретать», а «открывать», то есть заниматься непосредственно углубленным изучением самого исторического процесса, индивидуализировать каждый момент истории, меряя этот момент его собственным масштабом. «Жизнь бесконечно сложнее наших построений и схем. И охватить ее одновременно и философски, и исторически, и во всем многообразии ее проявлений, и в ее основных тенденциях, дело невозможное» [10, 27]. Ход мысли Бицилли подчеркнуто противостоит карсавинским философским построениям: историософия Л.П. Карсавина и его постижение *общего* в истории обратны *индивидуализирующему* методу и идиографическим принципам освоения исторической данности у П.М. Бицилли. Однако, настоятельно подчеркивая, что «история “есть наука идиографическая” и что предмет ее – “индивидуальное”» [10, 263], Бицилли сталкивается с чертами, присущими идиографии: описывая феномены истории и культуры как уникальные, она принципиально не дает способов реконструкции целого. «Может показаться, – замечает автор “Очерков...”, – что при индивидуализирующей трактовке исторического материала история распадается совершенно и что формулированный... *principium individuationis*, если его применять последовательно, должен сделать невозможной какую бы то ни было периодизацию. <...> Где же в таком случае предел деления истории?» [10, 264] В итоге вопрос об оформлении исторической данности, вопрос об историческом синтезе или

периодизации в «Очерках теории исторической науки» становится центральным. «Именно потому, что историческая истина есть безостановочное становление, в каждый данный момент которого проявляет себя Абсолютное Бытие — вся она в целом и каждое ее мгновение приобретают свою собственную особую ценность» [10, 148]. Как разрешить антиномию не поддающейся никакому сравнению пестроты эмпирической данности и ее абсолютной текучести, как совместить эволюционирующий (генетический) и эстетико-индивидуализирующий подход к истории?6

В очерке «Антиномия историзма и кризис исторической науки» Бицилли раскрывает неизбежную антиномию этих двух подходов и несостоятельность самых различных теорий, пытающихся эту антиномию разрешить. По Бицилли, причина не снимаемой, непреодолимой антиномии коренится в самой истории человечества, так как в ней изначально заложена антиномия эволюции и творчества. Именно эта неразрешимая антиномия, отмеченная в «Очерках...» Бицилли, превращает его понимание работы историка как безостановочное приближение к истине, вечное движение к первичному опыту, освобожденному от «идейной» деформации. Уход от застывших конструкций, окончательных вердиктов, от желания выдать результаты опыта как окончательные и последние, делают метод Бицилли творчески подвижным, направленным на бесконечность познания. Теоретическая осторожность навсегда будет свойственна Бицилли. Даже самые остроумные и блестящие гипотезы и трактовки, свойственные ему как оригинальному мыслителю, обычно словно «зависают» в своей траектории, избегают окончательного воплощения, понятийной «завершенности». Безусловно, названные черты — свидетельство не «теоретической слабости» а принципиального выбора в пользу кропотливого анализа и в ущерб «красивой» теории.

Подобная теоретическая «незавершенность» отличает и «Очерки теории исторической науки». Эту «незавершенность» надо принимать как неотъемлемую часть мировоззрения Бицилли-историка. Ставя вопрос об историческом синтезе (теоретическом оформлении исторической данности), Бицилли не разрешает его и не дает ответа. Вопрос о синтезе, поставленный в «Очерках...», еще не означает концептуального выдвижения своего варианта. Синтез в исторической науке как попытка (по Бицилли — достаточно искусственная) соединить воедино, слить отдельные исторические феномены, — противоречит идиографическому методу, на который опирается автор «Очерков...». Здесь идиография оказывается не только темой, но и методом. Вопрос — каков должен быть для

историка критерий при приведении в порядок хаоса данности — остается у Бицилли открытым. Отметим лишь, что если бы автор попытался на него ответить, то неминуемо снял бы вскрытую им неразрешимую антиномию историзма и перечеркнул основную задачу труда.

Претензии к «неорганизованности» и «незавершенности» «Очерков...» Бицилли были высказаны уже его современниками. Так, Д.И. Чижевский главным недостатком книги назвал «вулканичность». «Но автором самим эта “вулканичность” как будто не замечена, в поток лавы он поставил письменный стол, и написал “книгу” с примечаниями, “экскурсами” и цитатами», — замечает Чижевский [21, 542-543]. Трудно сказать, заметил ли рецензент органичную связь этой «вулканичности» с проводимым в «Очерках...» научным методом, однако вряд ли случайно его признание «не только методологической, но и философской плодотворности книги» [21, 542-543]. В этом Чижевский схож с другим рецензентом, — философом, филологом Николаем Бахтиным, писавшим: «Широкая отчетливая постановка проблем, эрудиция, пронизательность анализа, наконец изложение, не лишенное блеска и остроты — все это делает книгу Бицилли едва ли не значительнейшим явлением нашей философской литературы последних лет» [4, 4].

Вообще амбивалентность рецензии Чижевского на книгу Бицилли показательна. Критические замечания в адрес организации материала не снимают заинтересованности к инновациям: «Возможность “философии истории” отрицается П.М. Бицилли потому, что... все специфически историческое остается для философа истории “неким не поддающимся рационализации остатком”. — При всей своей простоте, эта аргументация, на наш взгляд, очень больно поражает всякую *рационализирующую* философию истории» [21, 544].

В статье «К проблеме двойника» Чижевский подхватывает эту мысль Бицилли: в отвлеченном понимании этики «живой субъект этического действия становится <...> бездушным исполнителем велений абстрактного закона, ненужным подвеском в системе нравственного миропорядка, — ненужным потому, что он может быть заменен любым другим этическим субъектом» [18, 30]. Критика Бицилли в адрес философии истории, оперирующей «средней “душой вообще”» [10, 235], сближает его с критикой Д.И. Чижевским «безликого всеобщего двойника» в абстрактных построениях этического рационализма.

Соотнесённость основных идей «Очерков...» с критикой этического рационализма отмечена самим же Чижевским в его рецензии на книгу. Комментируя идею Бицилли о невозможности

истории «вообще», Чижевский замечает: «Постановка проблемы напоминает постановку проблемы “формальной этики” в современной философии. См. мою статью в “Сборнике Русск[ого] Народного Универ[ситета] в Праге”» [21, 543], — отсылая к своей статье «О формализме в этике. (Заметки о современном кризисе этической теории)» (1928). Здесь следует, однако, обратить внимание на хронологию. Статья Чижевского «О формализме в этике» выходит через три года после издания «Очерков...», а рецензия на книгу печатается еще позже — через четыре года. Поэтому приоритет в диалоге остается скорее за «Очерками...», открывшими эту «заочную» дискуссию между двумя учеными.

Теоретическое самоограничение «Очерков...» не заслоняет для Чижевского несомненную актуальность вскрытой Бицилли проблемы: «...положительной характеристики своеобразия исторической стихии в книге не дано. Эта положительная характеристика только намечается такими определениями, как “индивидуальность”, “иррациональность”, “единственность”, “однократность”, “неповторяемость” и т. д. Но автор, очевидно, сам чувствует, что таких определений далеко недостаточно, так как ни на одном из них он окончательно не останавливается. — Нам думается, что основная позиция автора здесь совершенно правильна. Характеристика исторического бытия, конечно, не может быть обеднена до какой-либо абстрактной формулы» [21, 543]. Заметим, что именно на этих «перемежающихся» понятиях будет построена критика «абстрактной мысли» [18, 29] этического рационализма у самого Чижевского и дальнейшее обновление понимания этики; идея «единственности», «однократности», «неповторяемости» станет центральной в изучении «проблемы двойника» в творчестве Достоевского.

Новизну идей в разработках Чижевского отметит Н.О. Лосский, оперируя теми же «определениями», которые сближают Чижевского и Бицилли: «Чижевский вскрывает глубокий философский смысл двойничества как следствие нравственного упадка субъекта, именно невыполнение им своего конкретного *индивидуального* назначения, откуда возникает заменимость субъекта другими субъектами, утрата им своей *неповторимости*» (курсив мой. — М. В.) [14, 463]. Положительные рецензии на статью «К проблеме двойника» пишут С.И. Гессен [12], С.Л. Франк [16], Л.А. Зандер [13]. Проблема двойника, поднятая в пражском Семинарии по изучению творчества Достоевского, получает отклик у Бицилли. Судя по письму от 19 марта 1930 г. к А.Л. Бему, он специально посылает Чижевскому через Бема рецензию на сборник: «Надеюсь, что Вы полу-

чили 2 мои рецензии о Ваш[ем] сборнике <...>. К Вашему оттиску я приложил один для коллеги Чижевского, адрес которого я затерял» [15, 129]. По письму видно, сколь важно было для Бицилли установить диалог с Чижевским. В следующем письме к А.Л. Бему от 15 апреля 1930 г. Бицилли даст согласие на просьбу Бема написать о первом сборнике «О Достоевском» рецензию и заметит, какое значение имел этот пражский сборник в обновлении его восприятия творчества Достоевского: «Должен сказать, что я стал в последнее время как-то совсем по-иному, чем прежде, воспринимать Достоевского, — в чем немалую роль сыграли как сборник (я имею в виду статью Чижевского и Ваши мысли о значении сна в творчестве Д[остоевского]) и замечательная книга Бахтина» [5; 3; 11, 129-130]. Рецензия Бицилли на сборник «О Достоевском», появившаяся в парижском журнале «Числа», будет, однако, строиться не вокруг значения сна в творчестве Достоевского (статья А.Л. Бема «Драматизация бреда»), а прежде всего вокруг проблемы двойника.

Рецензия делает Бицилли участником сложной дискуссии, в которую вступили выдающиеся мыслители русского зарубежья — Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, А.Л. Бем, С.Л. Франк. В эмиграции в русской философии и в философской критике литературы «проблема двойника» получает новое развитие как концепция «*другого*» — «*подобного*», все больше отдаляясь и от русской философской традиции (Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский), и от феноменологии «другого» в книге М.М. Бахтина. Одним из активнейших инициаторов этой дискуссии выступил Семинарий под руководством А.Л. Бема, следуя провозглашенной установке «Прага — центр изучения Достоевского» [6, 8]. В составительской политике А.Л. Бема как редактора материалов Семинария просматривается та же установка, — он помещает статьи Дмитрия Чижевского «К проблеме двойника» и Николая Осипова «Двойник. Петербургская поэма» в начало первого сборника как наиболее репрезентативные для Семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге.

На фоне этого масштабного освоения и переосмысления проблемы двойника небольшая рецензия Бицилли на сборник «О Достоевском» может быть расценена как комментарий «по поводу». Однако, как верно писал литературный критик Г.В. Адамович о стиле рецензий Бицилли, «в ста или полутора строках... [он] иногда успевае[т] коснуться стольких тем и вопросов, что разработка их потребовала бы большого исследования» [2, 3].

Строго говоря, публикацию в «Числах» трудно назвать рецензией, автор не дает развернутого

разбора пражского сборника, но зато предпринимает исследование в миниатюре и разрабатывает взволновавшую его тему двойника. Тематическая «диспропорция» у рецензента не случайна, ее во многом предопределили «Очерки теории исторической науки». Как и Чижевский, который помещал проблему двойника в контекст масштабной полемики с этическим рационализмом, Бицилли также рассматривал «двойничество» через призму полемики с рационализирующей историософией. В ответ на статью Д.И. Чижевского Бицилли выдвигает свою трактовку проблемы двойника. «Все творения Достоевского, — пишет рецензент, — посвящены трагедии личности. Элементы этой трагедии суть: конфликт личности и среды (“почвы”), личности и космоса (“земля”), личности и Бога. Эти конфликты связаны с основным конфликтом: индивидуума с самим собою. Отъединение личности от Всеединства — есть то же самое, что и *распад* ее: “чистое” я тем самым перестает быть *индивидуумом* (не-делимым), утрачивает себя, свою *самость*. Это — болезнь “Просвещенства” с его номиналистическим рационализмом. Обрести себя, преодолеть внутренний разлад — в пределе — распад личного сознания (безумие есть *моральная* болезнь) — утвердить *свою собственную* конкретность — это значит: осознать конкретность Целого, Мира и Бога. <...> Пассивная мистика Востока и “просвещенческое” богоборчество приводят в итоге к одному и тому же: стать Богом для Кириллова значит — *уничтожить* себя. Этим двум путям противостоит третий — путь активной мистики европейского человечества: осознать себя, как *микрокосм*, как связанную с целым, его *представляющую*, но не поглощаемую им монаду» [9, 241-242]. Как видим, проблема двойника рассматривается Бицилли через призму центральной в его научном наследии проблемы индивидуальности. Сложность и новизну поставленной в рецензии задачи осознавал и сам рецензент, отсюда его резюме: «Дальнейшая работа в этом направлении осветила бы еще одну сторону все той же проблемы “двойничества”» [9, 242].

Сам рецензент не вернется, однако, к намеченной в рецензии задаче ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем. Это не значит, что Бицилли откажется от разработки «проблемы двойника», напротив, она займет существенное место в его фундаментальном филологическом труде «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» [8]. Путь к этому исследованию у Бицилли сложен. Еще в 1930 году он поставил перед филологией задачу — доказать с эстетической точки зрения, с точки зрения стиля органичность, закономерность той внутренней формы романа Достоевского, которую Бахтин именовал полифоническим романом. В письме к А.Л. Бему он

замечает: «...Бахтин не показал, как из полифонии выходит все-таки гармония, ведь fuga — это не все равно, что просто одновременно звучание разных мелодий — а в этом вся проблема, — и вот я над ней ломаю голову» [15, 130]. Однако предпринятое в 1945 году фундаментальное исследование, полностью посвященное разработке проблемы, над которой Бицилли «ломал голову» еще в 1930 году, дало литературоведению еще одну версию внутренней формы романа Достоевского. Эта версия строилась не столько на идее полифонии, сколько на идее двойничества. Понятийный язык достоевведения обогатился еще одним термином — «роман-драма», а «проблема двойника» получила свое дальнейшее развитие в области поэтики, тем самым став еще одной страницей в истории «заочного» диалога двух ученых — П.М. Бицилли и Д.И. Чижевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bicilli P.M. Anton P. Cechov. Das Werk und sein Stil / Herausgegeben von V. Sieveking // Forum Slavicum / Herausgegeben von D. Tschizewskij / P.M. Bicilli. — Munchen, 1966. — 252 p.
2. Адамович Г. Литературные заметки / Г.В. Адамович // Последние новости. — 1934. — 29 авг. — № 4900.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. — Л: Прибой, 1929. — 248 с.
4. Бахтин Н. (Рецензия) / Н.М. Бахтин // Звено. — 1925. — 16 марта. — С. 4. — Рец. на кн.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / П.М. Бицилли. — Прага: Пламя, 1925. — 339 с.
5. Бем А.Л. Драматизация бреда. («Хозяйка» Достоевского) / А.Л. Бем // О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — С. 77-124.
6. Бем А.Л. От редактора / А.Л. Бем // О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — С. 5-8.
7. Бицилли П. (Рецензия) / П.М. Бицилли // Современные записки. — 1940.-№. 70. — С. 289-291. — Рец. на кн.: Чижевский Д.И. Гегель в России / Д.И. Чижевский. — Париж: Дом книги, Современные записки, 1939. — 360 с.
8. Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского / П.М. Бицилли // Годичник на Софийский университет. Историко-филологически факултет. — София, 1945/46. — С. 1-75.
9. Бицилли П. (Рецензия) / П.М. Бицилли // Числа. — 1930. — Кн. 2/3. — С. 240-242. — Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — 164 с.
10. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / П.М. Бицилли. — Прага: Пламя, 1925. — 339 с.

11. Бицилли П. Уводъ въ изучването на новата и най-новата история. (Опытъ за периодизация) / П. Бицилли. — София: Художник, 1927. — 341 с.
12. Гессен С.И. (Рецензия) / С.И. Гессен // Современные записки. — 1930.- № 43. — С. 503-505. — Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — 164 с.
13. Зандер Л. (Рецензия) / Л.А. Зандер // Путь. —1930.- № 25. — С. 127-131. — Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — 164 с.
14. Лосский Н. (Рецензия) / Н.О. Лосский // Современные записки. — 1932. — № 49. — С. 462-464. — Рец. на кн.: Dostojevskij-Studen: Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. — Reichenberg, 1931. — 164 s.
15. Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / Публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой (Прага) и Г. Петковой (София) // Новый журнал. — 2002. — № 228. — С. 122-150.
16. Франк С.Л. (Рецензия) / С.Л. Франк // Руль. —1930. — № 2709. — Рец. на сб. ст.: О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — 164 с.
17. Чижевский Д.И. Гегель в России / Д.И. Чижевский. — Париж: Дом книги, Современные записки, 1939. — 360 с.
18. Чижевский Д. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) / Д.И. Чижевский // О Достоевском: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Бема. — Прага, 1929. — Т. 1. — С. 9-38.
19. Чижевский Дм. О формализме в этике / Дм. Чижевский // Научные труды русского народного университета в Праге. — Прага, 1928. — Т. 1. — С 15—29.
20. Чижевский Д. О «Шинели» Гоголя / Д.И. Чижевский // Современные записки. — 1938.-№. 67.— С. 172-195.
21. Чижевский Дм. (Рецензия) / Д.И. Чижевский // Современные записки. —1929.-№ 39. — С. 542-547. Рец. на кн.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / П.М. Бицилли. — Прага: Пламя, 1925 — 338 с.
22. Чижевский Дм. Этика и логика / Д.И. Чижевский // Научные труды русского народного университета в Праге. — Прага, 1931. — Т.4. — С. 50 68.